

сладившись игрою, обойщик огляделся вокруг, чтобы удостовериться, что их никто не заметил. Каковы же были досада его и смущение, когда в окне он увидел соседку. Но человек этот, умевший придавать любой материи нужный ему цвет, решил, что и тут сумеет придать всему такой вид, что соседка попадется на его обман, так же как попалась жена. Он поспешно пошел домой и улегся в постель, а потом сразу же поднялся и поднял жену и вывел ее в сад в одной рубашке, как перед этим выводил служанку. И долго забавлялся с нею, как перед этим забавлялся с той, а потом учинил и над ней «избиение младенцев», после чего оба снова улеглись спать. Когда наутро добрая женщина отправилась в церковь, соседка ее, бывшая с ней в большой дружбе, сидела уже там и, ничего ей не объясняя, очень настойчиво стала упрашивать ее прогнать служанку, говоря, что это дрянная и опасная девка. Но женщина эта решила сначала узнать, почему соседка ее стала так плохо думать об этой девушке. И в конце концов та рассказала ей, что видела служанку утром в саду вместе с ее мужем. Жена только расхохоталась и воскликнула:

– Эх, кумушка, дорогая моя, да ведь это же была я.

– Как так ты? Она была в одной рубашке, и это было утром, часов около пяти.

– Клянусь тебе, дорогая, это была я, – ответила ей кума.

– Но они катались в снегу, – продолжала соседка, – а потом хватали друг друга за грудь, потом за другие места и так друг друга ласкали.

– Да, да, кумушка, это была я.

– Послушай, дорогая, но ведь я же видела, как потом на снегу они делали то, что, по-моему, и некрасиво и непотребно.

– Кумушка, – сказала ее подруга, – я же сказала тебе и говорю еще раз, что это была я, это я делала все, что ты говоришь, мы с муженьком моим развлекаемся иногда такой игрой. Уж будь добра, не сердись на это, ты же ведь знаешь, что мужей надо ублажать.

И добрая женщина ушла еще более довольная, что у нее такой муж, чем она была до разговора с соседкой. А когда обойщик вернулся к жене, она передала ему все, что о нем рассказала соседка.

– Ну вот видишь, милая, – ответил обойщик, – если бы ты не была женщиной порядочной и такой умницей, мы бы уже давно должны были расстаться. Но я надеюсь, что господь поможет нам и впредь жить в дружбе – во славу ему и на радость нам.

– Аминь, друг мой, – сказала жена, – я тоже надеюсь, что тебе на меня никогда не придется жаловаться.

– Благородные дамы, тот, кто после этого правдивого рассказа будет все же думать, что женщины хитрее мужчин, разумеется, впадет в ошибку, хоть, правды ради и чтобы быть справедливым и к мужу, и к жене, следует сказать, что один не лучше другой.

– Обойщик этот был отъявленным подлецом, – сказала Парламента, – он обманывал и служанку, и жену.

– Вы, значит, плохо слушали эту историю, – возразил Иркин, – было же ясно сказано, что он в то же самое утро ублажил обеих, а это, по-моему, свидетельствует о крепости его духа и тела; он сумел сказать и сделать нечто такое, чем обе враждующие стороны были довольны.

– Это самое худое, – продолжала Парламента, – воспользоваться простодушием одной, чтобы ей солгать, и порочностью другой, чтобы совершить с нею грех. Но, разумеется, если бы он попал в руки такого судьи, как вы, его бы оправдали.

– Уверяю вас, – ответил Иркин, – что я никогда не возьмусь за столь большую и трудную задачу, но мне достаточно того, что вы мной довольны, я уже знаю, что не даром потратил время.

– Если сердце не находит удовлетворения во взаимной любви, – сказала Парламента, – ничто другое его уже не удовлетворит.

– В самом деле, я думаю, что на свете нет более тяжелой муки, чем любить и не быть любимым, – заметил Симонто.

– Чтобы быть любимым, – сказала Парламента, – надо устремляться к тем, кто любит. Но часто больше всего любят именно тех женщин, которые сами не хотят ответить взаимностью, а те, кто наименее любимы, сами любят всего сильнее.

– Вы мне напомнили об одной истории, но я считала, что она не стоит того, чтобы здесь ее рассказывать, – сказала Уазиль.

– Нет, пожалуйста, расскажите нам ее, – попросил Симонто.